

Эльдар Ахадов

Молитва о тебе

избранная проза

Эльдар Ахатов

Молитва о тебе. Избранная проза

«Издательские решения»

Ахадов Э.

Молитва о тебе. Избранная проза / Э. Ахадов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741456-6

«Молитва о тебе» — книга избранной прозы Эльдара Ахадова: его лучших рассказов, сказок и собственно «Молитвы о тебе» в её авторском (русском) написании и 14 переводах. Уже много лет слова этой молитвы привлекают к себе сердца огромного числа людей по всему земному шару. Книга Эльдара Ахадова с одноименным названием «Молитва о тебе» уже издавалась и в России, и в США, однако, содержание тех изданий не совпадает с представляемым в данной книге.

ISBN 978-5-44-741456-6

© Ахадов Э.

© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Встреча	6
«Русский»	8
Настя	10
Война кончилась	11
Фуражка	12
Друзья	13
Оглы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Молитва о тебе

Избранная проза

Эльдар Ахадов

© Эльдар Ахадов, 2018

ISBN 978-5-4474-1456-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Встреча

Он ушел на войну ясноглазым майором. На прощание, стоя уже на пороге, вдруг торопливо обернулся и, бодро улыбнувшись, сказал жене и сыну: «Ждите меня с победой. Я обязательно вернусь».

Честно говоря, в душе он радовался: впереди маячили медали, ордена, фанфары, быстрое продвижение по службе, может быть, даже служебная квартира в столице.

Через месяц армия рассыпалась, словно пепел на ветру... Приграничный городок, где до войны жила его семья, оказался в руках врага. Всех военных, попавших в плен, его правительство заранее объявило предателями, их ожидал суд трибунала – скорый и беспощадный. Тем более – офицеров. Враг тоже не щадил пленённых командиров, не только уничтожая их в первую очередь, но и охотясь за офицерскими семьями. Выбор у майора был невелик: либо погибнуть, либо оказаться в плену. Он никогда не был трусом, но погибать славной смертью героя не стал. Не стал, потому что нужно было найти, защитить и спасти жену и ребёнка. Он переделался в простую солдатскую форму и сдался, чтобы выжить и совершить побег. И совершить его так, чтобы ни одна – даже случайная – пуля не оборвала его планы: иначе – какой смысл, где и как умирать...

Целую вечность – длиной в несколько недель – он провёл в лагере для военнопленных среди бесконечных смертей и отчаяния. Он не знал и не мог знать о том, что жена его погибла под бомбёжкой в первые же дни войны. Ничего он не знал и о том, что его сына вместе с детьми других воюющих командиров и работниками детского дома пытались отправить в тыл, но ещё в начале пути эшелон с ребятами подвергся обстрелу, и те, кому удалось спастись, укрылись в лесу.

Чтобы сбежать из лагеря наверняка, он записался добровольцем в карательный отряд. В дороге ему стало известно, что у партизан, которых они преследуют, находятся дети из семей военных.

Сбежал он ночью, в чужой солдатской шинели, обросший щетиной, полуголодный, под морозящим осенним дождём, и начал искать встречи с партизанами. Они наткнулись на него сами. Отобрали оружие и, конечно, избили. Он честно рассказал им о себе всё. Измученный бессонными переходами партизанский командир сообщил, что его, как дезертира, предателя и вражеского пособника сегодня же расстреляют. В рассказе беглого карателя командир не поверил. Ни единому слову. Да и как можно доверять словам врага, который только что преследовал тебя в сыром, промозглом лесу? Как можно доверять тому, из-за кого каждый день у тебя на глазах погибают твои товарищи и умирают дети, которых ты пытаешься спасти?

Майор понимал, что у него нет никакой надежды. И тогда он попросил об одном: показать ему перед смертью ребятшек – вдруг да и окажется среди них его сын. «Ну, это вряд ли, – усмехнулся командир. – Впрочем, погляди напоследок, всё равно тебя сегодня не станет. Погляди, иуда, на детей, ради которых мы не щадим своих жизней!»

– А если мой сын подтвердит, что я – это я, а не засланный провокатор?

– Какая разница, что он скажет?! Ты – провокатор и враг народа. Таких, как ты, нам уже дважды подсылали. Не о чем нам с тобой говорить.

Всё же его привели к детям. Голодные и усталые, они безучастно глядели на странного, избитого до крови человека в рваной солдатской одежде со связанными руками. Им сказали, что это очень плохой дяденька, что он изменник и провокатор. И ещё много плохого сказали о нём охранявшие его партизаны.

Сын сразу узнал его. Он часто рассказывал другим ребятам, какой храбрый у него отец, какой он сильный и как он, настоящий боевой офицер, отомстит за смерть мамы, как победит и прогонит всех врагов с нашей земли. А ещё он говорил, что отец обязательно вернётся и найдёт его, потому что он обещал. И вот теперь уже почти минуту стоял перед ним его отец – лучший из всех отцов на свете – униженный, слабый человек с глазами, опухшими от гноя, крови и слёз.

... «Вы, наверное, мой папа?» – тихо произнёс сын. Затем он подошёл к отцу и неуверенно прижался к его грязной сырой шинели. Партизаны переглянулись между собой. «Ты ошибся, мальчик. Я не твой папа», – ответил отец запекшимися губами, зажмурившись совсем уж как-то по-детски.

Ночью, когда ребяташки уснули, майора увели подальше от партизанского лагеря и расстреляли.

«Русский»

Болото, начинавшееся неподалёку от железнодорожной насыпи, уныло растянулось вдоль неё на несколько вёрст. Было оно покрыто неглубокой водой, лишь местами до колена, а чаще – чуть выше щиколотки. Ходить в сапогах – можно, а вот лежать – неприятно и неудобно, особенно, если головы не поднять. Поднимать же головы немецким солдатам было смертельно опасно: местность открытая, окапываться негде, да и не особо окопаешься в воде под пулемётным огнём.

На небольшом островке-взгорке посреди болота аккуратно, скупно, но метко работал пулемётный расчёт из двух пареньков, прикрывавших отход своего партизанского отряда, только что удачно завершившего подрыв железнодорожного полотна на протяжении почти двух километров. Позади взгорка начиналась уже настоящая непроходимая топь, и потому окружения ребята не боялись. Топьяное болото (зыбун) образовалось на месте озера, заросшего камышом с редкими открытыми местами-окнами, затянутыми сверху яркой зеленью плавучих растений. Ребята надеялись на заранее изготовленные два трёхметровых шеста с рогатинами на концах и болотоступы из согнутых петлями длинных гибких веток, оплетённых крепкими верёвками. А ещё – на свою смекалку. Смышлёный худенький Ринат за день до начала операции случайно высмотрел лося, пробиравшегося через болотную топь. Он помнил, как отец рассказывал ему о том, что лучше всех в болотных премудростях разбираются именно лоси: обычно они знают, где можно пройти и не провалиться. Ринат приметил лосиную тропку и рассказал о ней командиру и Феде Кудашову – своему другу и второму номеру по пулемётному расчёту.

Федя – крепыш-увалень, смотревшийся рядом со своим хрупким напарником чуть ли не богатырским медведем, – мордвин. Он и имя-то своё по-эзрянски произносит: Квёдор. Смешливый Ринат не раз подначивал его: «Ну-ка, скажи ещё раз, как тебя правильно зовут? По-вашему?» «Квёдор», – нехотя произносил приятель, и Рината снова потряхивало от еле сдерживаемого смеха.

Поначалу немцы шли на них смело, по-хозяйски. Однако, вскоре вынуждены были пробираться ползком, то и дело теряя товарищей по оружию. После того, как на насыпи появилась пара пулемётов, они вновь осмелели, и кто-то из них даже крикнул на ломаном русском языке: «Эй! Рус! Ставайс!»

Федя не выдержал такой наглости, сложил свои лапищи рупором и крикнул в ответ: «Русские не сдаются!» Ринату стало смешно: «Федька, ты – мордвин, я – татарин, а они нас с тобой, чертей русских, сдать просят!» Оба расхохотались. Через пару минут один немецкий пулемёт замолчал навсегда, а другой – скрылся от греха подальше за насыпью.

Потеряв несколько десятков солдат ранеными и убитыми, немцы прекратили атаки. Так дальше продолжаться не могло. Все понимали, что с наступлением темноты пулемётчики непременно попытаются скрыться точно так же, как ушёл от преследования прикрываемый ими отряд партизан. И немецкое командование непременно найдёт виновных из числа тех офицеров, которые не выполнили свой немецкий воинский долг.

«Мы для них – русские, Ринат. Мы все тут – русские. Все, кто бьёт врага. Пусть боятся», – произнёс Фёдор, всматриваясь в затихшую железнодорожную насыпь. «Пусть, – кивнул в ответ, посерьёзнев, Ринат Гареев. Потом добавил: «После войны буду в институт поступать. На зоотехника. Коней шибко люблю». «Да, нам бы сейчас лошадь не помешала, жалко пулемёт бросать. Однако через болото нам Максима не перетащить. Эх!..», – отозвался Федя и слегка прикоснулся, словно хотел погладить да застеснялся, к стволу пулемёта.

Вдруг послышался резкий свистящий звук, почти следом, на болоте, позади ребят, раздался взрыв. Мины. Немцы подтащили к насыпи с другой стороны несколько миномётов и начали методично обрабатывать минами пулемётный взгорок и всё вокруг него. Обстрел

продолжался около двух часов. На взгорке не осталось живого места. Немцы осторожно цепью пошли вперёд. Взгорок молчал. Первыми добрались до него два автоматчика и молодой обер-лейтенант. Возле развороченного «максима» неподвижно лежало два тела.

Офицер закурил. Один из солдат, недавно потерявший в бою приятеля, носком кованого сапога начал яростно пинать тела лежащих. Внезапно они со стонами зашевелились. Пинавший от неожиданности отскочил в сторону и тут же пустил автоматную очередь в Фёдора Кудашова, наверное, потому, что тот был крупнее. «Не стрелять!» – закричал офицер, отбросив сигаретку. Один из двоих партизан был уже точно мёртв, но оставался второй. Он наверняка знает местонахождение партизанской базы, поэтому он пока что нужен живым. Потом – будет не нужен. Но это – потом. Не сейчас. Обер-лейтенант приказал доставить пленного в деревню, в свой штаб: там у него был переводчик.

Допрос с пристрастием продолжался несколько часов кряду. Ни на какие вопросы своих истязателей пленный так ничего и не ответил. Ни на какие – кроме одного. Но именно этот ответ взбесил их окончательно. «Wer bist du? Кто ты?! Кто ты есть?!» – осатанев от злости и нетерпения, перебивая переводчика, снова и снова орал обер. И снова слышал (пока пленный ещё мог говорить), как, сплёвывая кровь и глядя куда-то мимо него узкими азиатскими глазами, невысокий смуглый паренёк упорно повторяет: «Я – русский...»

И он, немец, понимает – почему. Понимает, почему тот так говорит. И он понимает, что проиграл, напрочь проиграл этому хлипкому азиату, этому мальчишке всё: и железную дорогу, и бой, и свою карьеру, и войну. Здесь проиграл, в этой русской пленной избе, на глазах у своих солдат.

Истерзанное мёртвое тело сбросили в овраг, но чьи-то незнакомые добрые руки вызволили его оттуда и схоронили в тихом, невидном с дороги месте, возле самого леса у одинокой берёзки, на которой кто-то нацарапал детскими ломаными буквами короткое непобедимое слово: «РУССКИЙ».

Настя

Когда-то мама рассказала мне историю, которую она слышала от своего отца, моего деда Хасяна (в деревне его звали дедом Василием). После ранения в его третьей по счёту войне (до того он прошёл гражданскую и финскую) его окончательно списали в трудармию. До самого конца войны деда дома не было, он работал на строительстве оборонных объектов. Вместе с ним был там товарищ, с которым он сдружился за время работы. Звали его Андреем. Тоже после ранения, но моложе деда.

Познакомились они у фельдшера, куда во время осмотра плохо заживающей дедовой раны привели молодого человека со странным, отрешённым выражением лица и судорожно сцепившимися руками. Это и был Андрей. Несколькими месяцами ранее у него случилось большое горе: ему сообщили, что во время бомбёжки его дом сгорел дотла, а вся семья погибла. И жена, и дети. И остался он один, без родных. В те годы такое было, увы, не редкостью. Вот и у путевой обходчицы Ольги схожее горе. На мужа пришла похоронка, а ребёнка у них так и не было, не успели...

Горе сближает людей. Особенно, когда они остаются совершенно одни. Так незаметно Ольга и Андрей сошлись и стали жить вместе. Прошло некоторое время, и на железнодорожную станцию прибыл поезд с детьми-сиротами, собранными из разных мест. Время было очень тяжёлое. По каким-то причинам поезд застрял, а кормить детей стало нечем. Власти обратились к местным жителям с предложением взять к себе хотя бы по одному ребёнку.

Ольга, посоветовавшись с Андреем, ребёнка решила взять. Она хотела девочку. Пересмотрела всех детей и выбрала ту, которая почему-то запала ей в душу – маленькую Настю. Но Настя была не одна, у неё был младший братик, Ванечка. Девочка смотрела большими, умоляющими глазами на тётю Олю и держала за ручку братика. Она сказала, что без него не пойдёт никуда. Но женщина не посмела нарушить уговор с Андреем. Вечером она сообщила ему обо всём. Андрей сказал, что, ладно – одного, но двоих ребятишек им не прокормить. Придётся искать другую девочку. Однако сколько бы Ольга ни ходила к сиротам, ни к кому другому у неё душа не лежала. А зачем брать в семью, если не по душе? Но однажды она решилась: будь что будет, заберёт обоих, не станет их разлучать. И забрала.

Дома к вечеру она велела детям залезть на печку и сидеть за занавеской, пока она не переговорит с Андреем. Наконец, пришёл уставший, голодный Андрей. Ольга решила, что сначала накормит мужа, а уж потом обо всём расскажет, но он уже заметил странное шевеление на печке за занавеской. Не успел Андрей сделать и шага, как оттуда с криком бросились ему навстречу худенькая большеглазая девочка и её громко плачущий братик: «Папа! Папочка! Родной! Миленький! Ты нашёл нас! Родненький наш!..»

Заклучив детей в объятия, Андрей, словно поражённый громом, стоял посреди избы. Его сцепившиеся руки не удавалось разжать ещё несколько часов.

Это действительно были его родные дети...

Война кончилась

Война закончилась за пятнадцать лет до моего рождения. Естественно, что ни я, ни мои младшие сёстры её не видели. Мы читали повести, рассказы и стихи о ней, ходили с родителями на парады Победы, смотрели художественные и документальные фильмы. Но нам повезло: всё, что мы знаем о войне, нам не довелось испытать на себе. Видеть на экране и читать в книге – это совсем другое. Ты ведь знаешь, что, как бы ты ни переживал описываемое или показываемое, на самом деле всего этого сейчас уже нет. На самом страшном месте книжку можно закрыть, а телевизор – выключить. И всё. И нет никакой войны.

Во дворе я играл с ребятами в войну. Тогда во всех дворах можно было увидеть, как мальчишки бегали с вырезанными из досок «автоматами», а то и просто палками, в «атаки», кричали «ура» и в итоге всегда побеждали всех «врагов». Ими назначались такие же мальчишки, но помладше, потому что «пленными немцами» добровольно не хотел быть никто.

Я любил фильмы про войну, такие, как «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Подвиг разведчика», «Два бойца», «Жди меня» и другие. Тогда было много хороших фильмов, в том числе, и документальных. Вместе с нами их смотрела мама. Однажды я заметил, что в определённые моменты просмотра она вдруг исчезает из комнаты. Поскольку это повторялось постоянно, я обратил внимание на эти моменты из фильмов. Они были разными, но общим в них было одно: с жутким воем пикирующие немецкие бомбардировщики. Как только возникал этот звук, иногда даже без показа самих самолётов, мама буквально испарялась из помещения. Долгое время это оставалось загадкой для меня.

...Когда началась война, моя мама была пятилетним ребёнком и ни в каких сражениях, естественно, не участвовала. Но она, как и её старшие сёстры и моя бабушка, оказалась тогда в особом месте – в блокадном Ленинграде. В её детской памяти запечатлелись от той войны на всю оставшуюся жизнь два момента: ощущение вечного, непрекращающегося голода и этот невообразимо страшный вой пикирующих самолётов.

Много раз она пыталась рассказать об этом и не могла, потому что вспоминать было невыносимо.

В сорок втором году семью мамы эвакуировали. Во время переправы через Ладожское озеро их в упор расстреливали с самолётов. Представьте себе: маленькая, худенькая русоволосая девочка с большими глазами, какой я видел её на единственной сохранившейся довоенной ленинградской фотографии, и огромные, пикирующие на неё с воем и стрельбой, фашистские самолёты. Каково было этому ребёнку? Какой безумный ужас пережила её детская душа в те мгновения? С чем это сравнить? Не знаю. Не с чем. Мама помнит, как моя бабушка обняла плачущих дочек, накрыла их собой и начала молиться о том, чтобы их убили вместе, чтобы не оставляли страдать никого...

Прошло много лет. Очень много. Моя старенькая мама ещё жива. Но всякий раз, когда где-нибудь случайно она слышит тот самый знакомый ужасный звук, она прячется. Да, прячется ото всех, и нужно бежать скорее за ней, найти, обнять и сказать тому плачущему ребёнку с морщинистыми старческими руками: «Мама! Война кончилась, мама! Кончилась война...».

Фуражка

В пронзительно синем небе гуляет радостное чириканье невидимых воробьёв. На широкой площади возле танка-памятника – очередной ежегодный митинг по случаю Дня Победы. Возбуждённо суетятся телевизионщики, невдалеке играет бравурная, подобающая такому случаю музыка. Гремят литавры, сверкают на солнце трубы.

Микрофон, как всегда, в самый неподходящий момент «фонит» до рези в ушах. Местный холёный депутат недовольно морщится: «Ну, сделайте немедленно что-нибудь с этим безобразием!» За спинами взрослых бегают друг за другом дети с шариками и флажками. Бегают, балуются, визжат, ни на что не обращают внимания. Даже на депутата: дети есть дети...

Отзвучали речи с временной трибуны, собранной по случаю праздника возле танка. Какие-то люди с дежурными повязками на рукавах деловито формируют людей в колонну для шествия к центру города. Всё как всегда. Впереди – реденькая группа ветеранов, следом – важные лица города. Ну, и все остальные за ними. Группа офицеров докурила в сторонке и, оживлённо беседуя, пристроилась сбоку к колонне. Маленькая девочка плаксиво требует мороженого. Молодая женщина отчитывает её. Затем сдаётся, и они устремляются к лотку с мороженым. Потом догоняют движущуюся людскую массу.

И вот колонна по широкой улице приближается к центру. Девочка давно доела мороженое и теперь, удерживаемая материнской рукой, вертит головой, пытаясь куда-нибудь ускользнуть, потому как ей скучно.

«Мам! Ну, мам!! Смотри: фуражка! Фуражка!!!» – резко и звонко закричала девочка, тыча сразу всеми пальцами свободной руки куда-то вверх. Все стоявшие рядом невольно задрали головы.

Действительно, впереди на балконе третьего этажа жилого здания, мимо которого собиралась пройти колонна, стояла девушка лет шестнадцати. В вытянутой вперёд и вверх руке она держала обыкновенную солдатскую фуражку. Рядом с ней находилась женщина в чёрной косынке, по-видимому, мать. Женщина эта держала лицом к колонне большую фотографию с траурной чёрной ленточкой в уголке. С фотографии на всю улицу улыбался молоденький ушастый парнишка в гимнастерке. Обе женщины молча, не шелохнувшись, смотрели на приближающееся шествие.

Ветераны, находившиеся во главе колонны, вдруг, сами того не осознавая, остановились напротив балкона. Следом за ними встала и вся колонна. Офицеры, глядя наверх, один за другим потянулись к козырькам своих фуражек. Словно осеклась, смолкла бравурная музыка.

Наступившую заминку оборвала та же капризная девочка: «Мам! Ну, мам! А чё все стоят?! Ну, пошли, мам!» «Да тихо вы! Слышите? Тихо!» – послышался в ответ чей-то негромкий, прерывающийся от слёз, голос.

Суетливые люди с нарукавными повязками, очнувшись, ринулись к стареньким ветеранам. Начальствующие, недовольно поморщившись, закивали на свои дорожные деловые наручные часы... И всё двинулось дальше.

А позади удаляющейся колонны под тем же чистым, пронзительно синим небом продолжали стоять на своём балконе юная девушка с фуражкой в руке и взрослая женщина с большой фотографией стриженного улыбающегося паренька.

Друзья

Когда-то давным-давно жили в Баку два товарища, два ровесника, Ильяс и Гурген. Ильяс был деревенским азербайджанцем из старинного села на берегу реки Куры, а Гурген родился жителем города, в котором и вырос. После окончания школы Ильяс приехал в Баку и поступил в институт одновременно с Гургеном.

Очень они разные были. Ильяс – молчаливый, сосредоточенный, слова лишнего не вытянешь, говорит тихо, а Гурген – шумный, громкоголосый, юморной, без шутки минуты не проживёт. Но сдружились они как-то сразу, с первого дня, пока экзамены вступительные сдавали. Именно Гурген был первым, кто показал Ильясу самые красивые места приморского города, который знал с детства, что называется, с закрытыми глазами. И в общежитии их поселили в одну комнату. Отец Гургена был военным, их квартира – служебной; именно в год поступления Гургена в институт его отца перевели в другое место службы, и сыну пришлось искать место в общежитии.

На студенческую стипендию особо не пошикуешь. Жили скромно, всем, что есть, делились друг с другом: и хлебом, и нитками, если что-то подшить надо было. И с девушками вместе знакомились, и женились почти одновременно. И квартиры от завода в один год получали. И дети у них почти одновременно на свет появились: у Ильяса – сын, у Гургена – дочка. Потом у Ильяса – опять сын. У Гургена – опять дочка. И в третий раз – то же самое.

Приходит Гурген с женой в гости к Ильясу, просит того на гитаре сыграть, потряхнуть студенческой юностью. Ильяс поручает своей жене принести ему ту самую гитару и играет, а Гурген поёт, громко поёт, совсем неправильно, но зато жизнерадостно: «Мы с тобой два берега у одной реки-и-и!». И все смеются, понимая, что пусть и неправильно, но ведь от всей души. Потом, уже без гитары, за столом с чаем и сладостями пели поочерёдно оба. То Ильяс на азербайджанском напевал «Сары гялин», то Гурген – по-армянски «Ов, сирун, сирун». И ещё, и ещё песни вспоминали. Подолгу сидели.

Приходит Ильяс в гости к Гургену, просит того шахматы достать. Гурген достаёт шахматную коробку, они расставляют фигуры и начинают партию. А жена Гургена тут же приносит шахматистам ароматный чай в стаканах-армуды. И обязательно – сахарницу с кусочками наколотого щипцами крепкого сахара. Ильяс долго думает над каждым ходом, у Гургена терпения не хватает, он делает ошибку, потом вторую и, наконец, сдаётся, шумно, но как-то по-доброму, возмущаясь медлительностью соперника. А тот, довольный такой, смеётся в ответ. Потом они начинают обсуждать нюансы всесоюзного чемпионата по футболу. Один болеет за «Нефтяник», другой – за «Арагат», но за сборную переживают и болеют оба одинаково.

...Прошли годы. Наступили странные тяжкие времена. В городе стало тревожно. Появились беженцы из дальних горных азербайджанских деревень – голодные, жалкие, бесприютные, с детьми, одетые кое-как, некоторые – со следами побоев. Вскоре начались погромы городских армян. Пролилась невинная кровь. Всюду чувствовалось незримое присутствие смерти.

Однажды поздно ночью в квартиру Ильяса кто-то тихо, но настойчиво постучал. «Странно, – насторожился Ильяс, – звонок же работает. Почему стучат? И почему так тихо?» Жена проснулась и встала, чтобы открыть дверь, но Ильяс решил сделать это сам. За дверью стоял Гурген, бледный, как полотно. За его спиной виднелись его плачущая жена в ночной сорочке и наспех накинутой шерстяной шали и три испуганные дочки. Гурген и Ильяс посмотрели друг другу в глаза. Обоим всё было ясно. Ильяс знаком пригласил несчастных в дом. Следующие два месяца пятеро армян жили в семье Ильяса. На улицу не выходили. Жена Ильяса готовила им еду вместе с женой Гургена. Ильяс делился с ним всем, что было в доме, так же, как они оба делали это в юности, когда жили в общежитии.

Эта история закончилась вроде бы благополучно. Гурген и его семья не пострадали, окольными путями им удалось выехать в Ереван. Но Гурген был бакинцем до мозга костей и не смог привыкнуть к новым местам обитания. Он очень изменился, перестал шутить, начал часто и серьёзно болеть и однажды не проснулся. Может, вспомнил во сне свой Баку – и сердце остановилось.

Когда Ильяссу сообщили об этом, он молча вышел на балкон, закрыл за собой дверь и не выходил несколько часов. Плакал ли он там в одиночестве или просто не мог говорить – об этом никто теперь не узнает. Нет больше Ильяса. Он ушёл вслед за своим другом туда, где уже никто и ничто не сможет помешать их вечной дружбе и не навредит их любви к той мирной, добродушной жизни, о которой они оба когда-то пели на своих родных языках.

ОГЛЫ

У меня есть имя. Есть фамилия. А есть отчество. У всех они есть. У каждого своё. У меня отчество азербайджанское, из двух слов: первое – имя отца, а второе – «оглы», что в переводе значит «сын». Не заканчиваются в азербайджанском языке отчества на -ович или —овна – только оглы или кызы (дочь). Всё бы ничего, но я в России живу больше четверти века, а здесь это не всеми и не всегда адекватно воспринимается. И на работе бывали сложности. Вроде мелкие: ну, похихикает кто-нибудь, ну, черножопым как-то раз в спину назвали. Не в лицо, нет. В лицо постеснялись. Я ведь по-русски говорю и пишу получше некоторых. И соображаю неплохо. Вот и постеснялись.

На улицу выхожу всегда с паспортом. В принципе, нигде, кроме Москвы, проблем не было. Да и в столице – тьфу, тьфу – обошлось. Остановили пару раз, проверили, прочитали, и такое холодное недоверие в глазах – из-за того, что я «оглы», а не «ович». Всё равно как-то неприятно, неуютно, что ли. Как будто я что-то плохое сделал и скрываю.

А годы были тревожные, бандитские, девяностые. Вот и советует мне однажды моя русская жена: «Зачем тебе это „оглы“? Ты же и говоришь по-русски, и думаешь по-русски, и живёшь в России. Сходи в паспортный стол, поменяй отчество, заплатишь и станешь Александровичем, как режиссёр Рязанов, или Алексеевичем каким-нибудь. И детей наших в школе дразнить перестанут. А?»

Задумался я. Достал фотографии отца, матери, сестёр. И тут выпала из пакета с фотографиями старая бакинская газета. Январская. Девяностого года. На ней – городская площадь у берега моря, вся покрытая морем людским. В городе действует комендантский час. На улицах танки, бронетранспортеры, пулемёты, тысячи вооружённых солдат. Больше трёх человек собираться запрещено. А народ вышел на площадь. Не побоялся народ ни арестов, ни смертей. Поэт Галич когда-то пел:

Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!
Где стоят по квадрату
В ожиданье полки...

А ведь полки действительно стояли в ожидании приказа. И над площадью барражировали военные вертолёты. Но люди, простые безоружные люди, бакинцы, шли и шли на эту площадь. И было их не остановить никому! Никаким солдатам, никаким пулемётам, никаким танкам. Они шли хоронить своих детей, убитых солдатами в ночь на 20-е января. В этих продолговатых прямоугольниках на фотографии – убитые. Сотни убитых: молодых, пожилых, юношей, девушек, детей, стариков...

Я не знаю, как их звали. У каждого из них было имя. Была фамилия. И было отчество. Первую часть их отчеств я не знаю, но вторую – не могу и смогу забыть, где бы я ни был.

Я – оглы, я – сын моего отца и моей матери. Был и останусь. Нацисты, скинхеды, бритоголовые – не важно, кто встретится на пути, – я останусь тем, кем родился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.